

*ВИНОГРАДОВ Михаил Алексеевич, старший преподаватель кафедры экономики и управления Московского финансово-юридического университета. Автор 12 научных публикаций**

**«РУССКАЯ» ТЕРМИНОЛОГИЯ И ТИТУЛАТУРА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
(XIII–XIV века)**

В настоящей статье рассматривается практика использования «русской» титулатуры и «русских» терминов в условиях складывания нового политического и духовного центра на Северо-Востоке Руси во второй половине XIII и XIV веке. Терминология сама по себе является отражением эпохи и способна прояснить многие общественные и исторические явления. Рассмотрение же динамики изменений в «русской» терминологии и титулатуре в ходе вызревания новых общественных отношений позволяет увидеть скрытые тенденции и закономерности этого процесса. Самоидентификация с русскими и Русью утвердилась среди населения некогда единой Древней Руси во второй половине XIII – начале XIV века. Данный вывод во многом предопределен изменением общей геополитической ситуации, вызванным нашествием монголо-татар и острой конфронтацией с западными соседями – католическими орденами, Венгрией, Литвой и Польшей. В эти годы узкое понимание Руси как территории проживания русских в Среднем Приднепровье постепенно вытесняется широким осмыслением понятия: теперь слово «Русь» все более ассоциируется с Владимирским Великим княжеством. В рамках сформулированной темы для анализа взяты следующие наименования: «русская земля», «Русь», «Малая Русь», «Великая Русь», «вся земля русская», «митрополит всея Руси», «великий князь всея Руси», «князи русские». Особое внимание автор уделяет взаимосвязи понятий «русские» и «православные». В работе не рассматривается терминология, связанная с цветовыми определениями Руси («Белая», «Красная» и др.), что в силу своей специфики, по мнению автора, заслуживает самостоятельного исследования.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, Владимирское Великое княжество, «русская» терминология, «русская» титулатура, складывание русской государственности.

*Адрес: 111024, Москва, ул. 3-я Кабельная, д. 1; e-mail: mihail.vinogradov2010@yandex.ru.

Для цитирования: Виноградов М.А. «Русская» терминология и титулатура Северо-Восточной Руси как отражение интеграционных процессов (XIII–XIV века) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 1. С. 25–34. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.1.25

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена сложившимся в последние годы острым общественным противостоянием в отношении оценки происхождения русской государственности. Литература, посвященная данному вопросу, обширна, тем не менее, несмотря на неоднократные обращения к указанной тематике, вопрос остается открытым.

Большинство авторов – историков, филологов (А.А. Горский [1], С.В. Богданов [2], С.Н. Кистерев [3], Е.В. Климов [4], П.И. Гайденко [5] и др.), – работая на стыке наук, как правило, уделяли внимание разработке отдельных тем. Комплексных же работ, освещающих взаимосвязь «русской» терминологии и этнополитических процессов, происходивших на Руси в рассматриваемый период, совсем немного. Исключением являются исследования Б.Н. Флори [6], А.В. Назаренко [7], А.В. Соловьева [8], А.Н. Робинсона [9] и некоторых др. В статье приводятся позиции названных авторов, дается оценка их выводам. В целом в рамках поставленных задач автор стремился уйти от спорных суждений и дискуссионных формулировок, стремясь к обобщению уже устоявшихся подходов и заключений.

Первые известные упоминания термина «Великая Русь» относятся к началу XII столетия, когда он распространился на всю территорию проживания и расселения русских. Мы разделяем ту точку зрения, которая трактует значение термина «Великая» как «вся целиком» (А.В. Назаренко, А.В. Соловьев) [7, с. 251, 252; 8, с. 24–28]. Есть много исторических примеров, согласно которым семантическая пара «Великая – Малая» (Μαίωρ – Μίνωρ) употреблялась некоторыми европейскими народами (Армения, Греция и др.) гораздо раньше указанного периода – уже в I тыс. до н. э. [8].

По нашему мнению, начало использования определения «Малая» в отношении юго-западных русских территорий свидетельствует о том, что эти земли уже в первые десятилетия XIV столетия рассматривались как особая – *малая* – часть Руси, отличная от основной части – *Великой* [10, с. 4, 5, 23; 11]. Не вызывает сомнений, что такое

восприятие южных русских земель было характерно по меньшей мере для правящей элиты русского общества. Соответствующая трансформация в титулатуре галицкого князя Болеслава Тройденевича (1308–1340) – «князь всея Малая Руси» – произошла, очевидно, вслед за канцелярией Константинопольского патриархата, в результате изменения церковно-политической ситуации на юго-западных русских территориях – переезда общерусского митрополита в 1299 году из Киева во Владимир и выделения в 1303 году самостоятельной Галицкой митрополии.

Возникновение термина «Малая Русь» стало отражением естественных миграционных процессов, связанных с расселением русского народа и освоением им новых территорий, преимущественно на северо-востоке Руси. Новое понятие означало территориально-национальную принадлежность русских, район распространения и приверженности русским национальным традициям, острая борьба за которые разворачивалась на протяжении второй половины XIII и в XIV веке [12].

Термин «князь всея Руси» имеет древнее происхождение. Возможно, он был использован светскими правителями вслед за титулованием русских митрополитов. Традиция эта, по-видимому, пришла из Византии с утверждением на Руси христианства и могла быть связана с особенностью юрисдикции русских епархий: Русская церковь изначально сложилась как церковь национальная, власть киевского митрополита распространялась на все русские территории, населенные приверженцами Константинопольского патриархата, а церковная централизованная система управления соответствовала в основном политической структуре.

Носителями политической власти на этих землях выступали *князи русские* – члены княжеского рода Рюриковичей, стоящие во главе военно-феодальной знати. Ни один из русских правителей, именовавших себя «князем всея Руси», в реальной жизни не обладал такими полномочиями, а лишь стремился с помощью титула к расширению собственной власти.

Киевские же митрополиты, напротив, с самого начала своего правления на Руси обладали такими правами. Русская церковь в лице Киевской митрополии Константинопольского патриархата к началу XIV века оставалась реальной политической силой – главной носительницей идеи единства русского народа. Поэтому позиция киевского митрополита и состояние дел в митрополии оказывали существенное влияние на общественно-политические процессы, происходящие в русской среде.

Уже с XI столетия словосочетание «всая Руси» находит широкое применение в древнерусской агиографической литературе и энкомиях (хвалебных песнопениях) как отражение неких образцов, причем не только церковных и не обязательно титульных [7, с. 264–265]. Данный факт заставляет предположить греческое происхождение самого оборота: «“вся (весь)” + страна или народ» [7, с. 265]. Любопытно, что одна и та же терминология использовалась и в церковной, и в светской политической фразеологии на Балканах в XII–XIV веках [13, с. 210–214].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» приводит 279 (!) значений сложных слов, первую часть которых составляет слово «все» в значении «весь целиком» или высшей степени качества¹. На наш взгляд, указанный факт является свидетельством не только широкого обиходного распространения категорий «все», «вся», но и места, и значимости этих понятий в русской жизни. Для рассматриваемого нами периода (вторая половина XIII – XIV век) данный вывод может быть связан с интенсивными процессами миграции населения, постоянным изменением границ компактного проживания русских – географического ареала расселения, а также консолидирующим свойством самого понятия [14, с. 24–25, 28–29].

Из византийских источников, по легендам митрополичьих печатей XI – первой половины XII века, следует, что первоначально Киевская

митрополия именовалась как «митрополия Руси», «Русская митрополия» [7, с. 251]. Возможно, начало использования понятия «всая Руси» в титуле русского митрополита стало ответом на попытку по разделению общерусской митрополии во второй половине XI столетия, предпринятую детьми великого князя Ярослава Мудрого (978–1054).

Первые выражения «всая Руси» обнаруживаются на печатях киевских митрополитов в 60-е годы XII века. По мнению ряда авторов, это является попыткой закрепления главенства киевского митрополита над русскими епархиями в ситуации, когда владими́ро-суздальский князь Андрей Боголюбский (ум. 1174) пытался добиться открытия во Владимире отдельной от Киева митрополии [7, с. 256, 265]. Позднее, с начала XIV столетия, в условиях обострившейся внутрицерковной борьбы, когда открытие и закрытие новых митрополий становятся частым явлением, термин «всая Руси» закрепляется за киевскими митрополитами окончательно. Примечательно, что в этот же период происходит окончательное закрепление рассматриваемого термина и за светскими правителями – владими́рскими великими князьями.

Одним из первых свидетельств употребления термина применительно к светским правителям является печать киевского князя Всеволода Ярославича (конец XI века). В дальнейшем словосочетание применялось исключительно к киевским князьям как «старейшим», главным на Руси – независимо от их местопребывания и территорий подчинения.

Такая тенденция продолжалась вплоть до середины XIII века: с приходом монголов уже владими́рские великие князья стали признаваться Ордой «старейшими». С учетом того, что значение Киева к этому времени сильно упало и великие князья чаще сажали туда своих ставленников, чем правили сами, их основные интересы сосредоточились на северо-восточных землях.

¹Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. ВОЛОДЪНЬЕ–ВЯЦЫШИНА / отв. ред. С.Г. Бархударов. М., 1976. С. 115–135.

По мнению ряда исследователей (А.В. Соловьев, А.Н. Робинсон, А.Н. Ужанков, И.Н. Данилевский), широкое понимание терминов «Русь», «русская земля» имело устойчивое значение только при взаимоотношениях с западно-европейскими соседями и в сфере церковной жизни [8; 9, с. 227–229, 233; 15; 16, с. 174]. Еще Нестор Летописец (конец XI – начало XII века) в «Повести временных лет» делил все народы на две части: принадлежащие христианскому миру и не относящиеся к нему. Вера в понимании древнерусского человека – это истина, правда [17], именно к вере применялись определения «истинная», «христианская», «правая»². В то же время в летописях ничего не говорится о разделении церквей, о православном и католическом вероисповедании и какой-либо дифференциации этноса по конфессиональному признаку [18, с. 441–445]. По оценке филолога А.Н. Ужанкова, «религиозное понимание названия Русская земля появилось не сразу, а только в XIII веке» как «исповедание единой православной веры и очерчивание территории, на которой она была распространена, возможное при четком определении всех не православных соседей» [11, с. 79].

Религиозное осмысление понятия «русская земля» происходило постепенно и главным образом в среде элиты и городах. В X – начале XIII века христианизация в русском обществе только набирала силу; у населения, по выражению Б.А. Рыбакова, еще «не было внутренней потребности к смене богов» [19, с. 34]. Вследствие ордынского нашествия середины XIII века ситуация изменилась: переход населения в христианство стал массовым. Вторжение инородцев рассматривалось как наказание за грехи, в т. ч. за нарушение христианских моральных ценностей; широко распространились эсхатологические настроения [20, с. 119; 21, с. 174–177]. В этих условиях ранее популярные языческие верования уходят, а христианское вероисповедание получает широкое распространение не только в городах, но и у многочисленного сельского населения [20, с. 117, 118, 120; 22, с. 72].

Свою роль в формировании религиозного понимания термина «русская земля» сыграл и язык. В филологической науке уже к началу XX столетия утвердилось мнение, что широко используемый на Руси церковнославянский язык относится к ограниченному числу «общих, надэтнических (наднациональных) священных (сакральных) и культурных (книжных, литературных) языков» [23, с. 72; 24, с. 103]. На церковнославянском языке проводили богослужения, читали Библию, писали жития святых и другие литературные произведения, на этот язык переводили сочинения греческих и латинских богословов. Возрождение датированных рукописей в ордынский период прослеживается уже начиная с 1260-х годов: это Евангелие, Апостол, Псалтырь, Минея праздничная, Кормчая и другие церковные тексты [25, с. 6–7].

Влияние церковнославянского языка на русский значительно усилилось в XIV столетии: после турецкого завоевания православных славянских земель на Балканах на Русь выехали многие ученые-монахи – писцы и книжники, были установлены тесные контакты с Константинополем и Афоном, возобновилось паломничество. По оценкам академика А.И. Соболевского, южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках привело к увеличению русской литературы почти вдвое [26, с. 16]. Известно, что автором «Списка русских городов дальних и ближних» (конец XIV века) в число «русских земель» были включены болгарские, валашские, польские и литовские города. По мнению И.Н. Данилевского, в основу того, что считать русскими городами, был положен церковнославянский (или церковно-книжный) литературный язык, объединивший различные этносы в одну категорию по конфессиональному признаку [16, с. 173].

По-видимому, уже на ранней стадии формирования русского народа одной из важнейших его черт стало не только общее происхождение, историческое прошлое, язык и территория расселения, но и единое вероисповедание. Особую

²Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. В – ВОЛОГА. М., 1975. С. 19, 79.

приверженность русских своему вероисповеданию отмечали патриарх Константинопольский Филофей Коккин (~1300–1379) и польский историк и дипломат Ян Длугош (1415–1480) [27, с. 76; 28, с. 20, 21]. На наш взгляд, именно общее вероисповедание определило закономерный результат: во второй половине XIII – начале XIV века самоидентификация населения с Русью и русскими утвердилась во всех частях Древней Руси [6].

Деятельность первого известного после вторжения ордынцев митрополита Киевского и всея Руси Кирилла (ум. 1280) была сосредоточена на сохранении христианской традиции в условиях, когда деградация всего русского общества стала угрожающей. Большинство исследователей склонно считать неслучайным постоянное пребывание митрополита Кирилла после 1251 года на северо-востоке Руси: он часто разъезжал по стране и подолгу оставался во Владимире-на-Клязьме. Сотрудничество Кирилла с владимирским князем Александром Ярославичем Невским многие историки оценивают как нежелание митрополита поддерживать униатский курс Даниила Галицкого. Именно во Владимире-на-Клязьме Кирилл провел известный церковный собор 1273(4) года, на котором в присутствии только северных иерархов рукоположил во владимирские епископы архимандрита Киево-Печерского монастыря Серапиона.

Вышеперечисленные факты могут рассматриваться как стремление главы Русской церкви перенести главный духовный центр и южнорусскую христианскую традицию в северные русские земли. К таким действиям подталкивала сложившаяся общеполитическая ситуация: Галицкая земля все больше стремилась к самостоятельной церковной политике, а ее политические интересы были устремлены в сторону западных сопредельных территорий – Венгрии, Польши и Литвы [5, с. 152–155]. Как известно, уже преемник Кирилла митрополит Максим (ум. 1305) перебирается со своим клиром из Киева в Мо-

скву (1299), претендент на Галицкую кафедру игумен Петр (Ратенский) (ум. 1326) становится митрополитом «Киевским и всея Руси» с постоянным местопребыванием в Москве, а митрополиты Феогност (ум. 1353), Алексей (ум. 1378) и Киприан (~1330–1406) – непрерывно вовлечены в борьбу за сохранение общерусского политического и церковного единства.

О том, что религиозное осмысление понятия «русская земля» являлось реальным процессом, свидетельствуют и те изменения, которые происходили в представлении русского человека о защите Отечества. Согласно исследованиям, проведенным по древнерусским литературным источникам историком А.А. Горским, для целого столетия после Батыева нашествия (середина XIII – середина XIV века) характерны отсутствие общерусской «патриотической формулы» («за землю Русскую») и преобладание «региональных» формул – «за храм» как символ города [29, с. 64–68].

Показательно и то, что во второй половине XIV столетия (эпоха Куликовской битвы) произошло возрождение «общерусского» патриотизма («за землю Русскую»), однако главным лозунгом времени стал неизвестный в домонгольский период и почти не встречающийся в предыдущее столетие рефрен «за веру христианскую»³. Напрашивается закономерный вывод: часто встречающийся в летописных источниках эпохи призыв «за святых церкви и за правоверную веру христианскую и за всю Русскую землю» является не просто оборотом речи, а отражением конкретных мировоззренческих позиций, символизирующих для русского человека генетическое единство понятий «христианский храм», «христианская вера» и «вся земля русская». Термин «вся земля русская» и близкий ему «русские князи» уже со второй половины XIII века начинают выражать собой новую русскую этноконфессиональную общность, за которой в XIV – начале XV столетия закрепляется новое определение – «православные» [17, с. 174].

³Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Петроград, 1916. С. 64–68.

Выражения «Русь», «русская земля» в оценке А.А. Шахматова – прежде всего термины политические, связанные с распространением киевского политического могущества⁴. Наверное, неслучайно, что с указанными выражениями в летописях соседствует и другой термин – «князи русские», – обозначающий носителей этой политической власти. Первым известным князем, который был «великим князем всея Руси», но уже не был князем киевским, становится Великий князь Владимирский (1305–1317) Михаил Ярославич Тверской. Все последующие князья, имевшие такой же статус, были исключительно князьями владимирскими, представляя в XIV столетии тверской, нижегородский, московский княжеские дома. Начиная с князя Михаила Тверского прослеживается объединение определений «всея Руси» и «великий» в единую формулу «великий князь всея Руси». По-видимому, такое слияние понятий произошло благодаря окончательному утверждению политического верховенства за Владимирским княжеством, с конца XII века именовавшимся Великим [1, с. 59].

Уже в первые десятилетия XIV столетия «русская» терминология все больше становится характерной для Владимирского Великого княжества, постепенно вытесняя «суздальскую», «низовскую», «ростовскую» и другую удельную северную терминологию [6]. Это явление, на наш взгляд, было обусловлено следующими причинами.

1. Освоение северо-восточных земель выходцами с юга, проходившее мирным путем в малообжитых и малонаселенных районах Волго-Окского междуречья, привело к преобразованию «русских» терминов в территориальный признак – в отличие от Южной Руси, где выражения «Русь», «русские земли» ассоциировались прежде всего с народом проживания.

2. Значительную часть переселенцев с Юга Руси составляла местная южная русская знать

с дружинами, что способствовало превращению русского этноса в доминирующий на новых территориях.

3. Несколько волн русской колонизации Северо-Востока Руси, особенно в XII–XIII и XIII–XIV веках, привели к возвышению Владимиро-Суздальской земли среди других удельных княжеств этого региона.

4. Северо-восточные русские князья уже с середины XIII века получили от Орды полномочия на «старейшинство» над всеми русскими землями.

5. Из летописных свидетельств начала XIV века явствует, что в восприятии ордынских ханов именно Северо-Восточные русские земли были для них «Русью»⁵.

6. Русская церковь получила привилегии от Орды в конце XIII – начале XIV века: она активно возрождалась, усиливала свое влияние, прежде всего на Северо-Востоке Руси.

7. Именно Русская церковь являлась хранительницей общерусских традиций и языка, носителем генетической связи «русских земель» с Древнерусским Киевским государством.

8. Переезд киевского митрополита в 1299 году во Владимир, а затем в 1325 году в Москву существенно укрепил позиции северо-восточных князей, в особенности Великого князя Владимирского.

Подводя итоги, хотелось бы остановиться на главных выводах.

С середины XIII века общерусский центр политической жизни неуклонно смещается на Северо-Восток Руси. Узкое понимание «русской земли», характерное для XII – начала XIII века и связанное со Средним Приднепровьем, уходит в прошлое. «Своя» русская земля отдельных княжений, с началом периода раздробленности ассоциируемая со «всею землей русской», к XIV столетию постепенно трансформируется в представление о «русской земле» как об особой единой стране, совпадающей с Владимирским

⁴Шахматов А.А. Указ соч. С. 10.

⁵Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950; Летописец Переяславля Суздальского // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1841. Кн. 9. С. 98.

Великим княжением. На наш взгляд, решающую роль в утверждении тезиса «Владимирское княжение = вся земля русская» сыграло религиозное осмысление понятия «русские», начавшее складываться на рубеже XIII–XIV веков и получившее развитие в XIV и XV веках.

В конце XIII – XIV столетии становится устойчивым использование титулов «митрополит Киевский и всея Руси» и «великий князь всея Руси». В новых политических условиях термин «всея Руси» превращается в синоним «Великой Руси» в значении «вся целиком», «в совокупности», символизируя охват как подконтрольных территорий, так и властных княжеских полномочий. Определение «великий» становится обязательным атрибутом княжеского титула, свидетельствуя о верховенстве прежде всего владимирского князя над другими удельными правителями. Использование термина «Малая Русь», известного с начала XIV века,

стало следствием фактического переноса митрополичьей кафедры из Киева во Владимир, что привело к перераспределению политических сил между Югом и Севером Руси. Рассматриваемая русская титулатура, ранее возникшая на Юге, приняла на рубеже XIII–XIV веков устойчивые формы именно на Севере, где к этому времени произошла консолидация политической и церковной власти.

Со второй половины XIII столетия понятие «русские» подвергалось религиозному осмыслению, что привело к сплачиванию русскоязычного населения на конфессиональной основе. Религиозное осмысление понятия «русская земля» шло в тесном контакте с политическими процессами, затрагивающими одновременно юго-западные и северо-восточные русские земли. В XIV – начале XV века за новой русской этноконфессиональной общностью закрепляется название «православные».

Список литературы

1. Горский А.А. «Князь всея Руси» до XIV века // Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть. М., 2007. С. 55–60.
2. Богданов С.В. Об определении «всея Руси» в великокняжеской титулатуре XIV–XV в. (По материалам актов XIV–XV в.) // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2008. № 4 (окт.–дек.). С. 30–49.
3. Кустерев С.Н. «Великий князь всея Руси» в XI–XV веках // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 6. С. 47–85.
4. Климов Е.В. Титулатура правителя в Древней Руси // Вопр. истории. 2013. № 8. С. 153–157.
5. Гайденок П.И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): зарисовки власти и повседневности. М., 2014.
6. Флоря Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV вв. (К вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. 1993. № 2. С. 42–66.
7. Назаренко Л.В. Древняя Русь и славяне (Историко-филологические исследования) // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2009. С. 103–113.
8. Соловьев А.В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопр. истории. 1947. № 7. С. 24–38.
9. Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. М., 1980.
10. Ржежабек И. Юрий II, последний князь всея Малыя Руси // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: сб. СПб., 1907. С. 1–66.
11. Журавлев В.К. Церковнославянский язык в современной русской национальной школе. Вятка, 2002. 29 с.
12. Виноградов М.А. Малая Русь как территория расселения и формирования национального самосознания русских (XII–XIV века) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 1. С. 13–22.
13. Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. 462 с.
14. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование древнерусского государства. М., 1951. 282 с.
15. Ужанков А.Н. Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Вестн. славян. культур. 2003. № 8. С. 77–81.

ИСТОРИЯ

16. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1999.
17. Колосов В., Павлова Т. К этимологии терминов «православный» и «православие». URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/kolos_etim.php (дата обращения: 18.09.2016).
18. Толстой Н.И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000. С. 441–447.
19. Рыбаков Б.А. Стригольники – русские гуманисты XIV столетия. М., 1993.
20. Климов Е.В. К вопросу о продолжительности и периодизации христианизации Древней Руси // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер.: История. 2009. Вып. 32. № 16(154). С. 117–122.
21. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009.
22. Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003.
23. Толстой Н.И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Лекции лауреатов Демидовской премии (1993–2004). Екатеринбург, 2006. С. 72–87.
24. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938.
25. Пуцко В.Г. Опустошение Руси: культура после трагедии 1238–1241 гг. // Проблемы славяноведения. Брянск, 2012. Вып. 14. С. 5–23.
26. Соболевский А.И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. СПб., 1894.
27. Медведев И.П. Почему Константинопольский патриарх Филофей Коккин считал русских «святым народом»? // Славяне и их соседи: этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 73–82.
28. Флоря Б.Н. Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи: этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 16–28.
29. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская»: Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001.

References

1. Gorskiy A.A. “Knyaz’ vseya Rusi” do XIV veka [*Prince of All Rus’ Up to the 14th Century*]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov’e: politicheskie instituty i verkhovnaya vlast’* [Eastern Europe in Ancient and Medieval Times: Political Institutions and Supreme Power]. Moscow, 2007, pp. 55–60.
2. Bogdanov S.V. Ob opredelenii “vseya Rusi” v velikoknyazheskoy titulature XIV–XV v. (Po materialam aktov XIV–XV v.) [On the Definition of *of All Rus’* in the Grand Titles of the 14th and 15th Centuries (Based on Documents of the 14th and 15th Centuries)]. *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*, 2008, no. 4, pp. 30–49.
3. Kisterev S.N. “Velikiy knyaz’ vseya Rusi” v XI–XV vekakh [*The Grand Prince of All Rus’* in the 11th Through 15th Centuries]. *Ocherki feodal’noy Rossii* [Essays on Feudal Russia]. Moscow, 2002. Iss. 6, pp. 47–85.
4. Klimov E.V. Titulatura pravatelya v Drevney Rusi [Titles of the Ruler in Early Russia]. *Voprosy istorii*, 2013, no. 8, pp. 153–157.
5. Gaydenko P.I. *Svyashchennaya ierarkhiya Drevney Rusi (XI–XIII vv.): zarisovki vlasti i povsednevnosti* [Ecclesiastical Hierarchy in Early Russia (11th Through 13th Centuries): Scenes from Everyday Life and Power]. Moscow, 2014.
6. Florya B.N. Istoricheskie sud’by Rusi i etnicheskoe samosoznanie vostochnykh slavyan v XII–XV vv. (K voprosu o zarozhdenii vostochnoslavnyanskikh narodnostey) [Historical Destinies of Russia and the Ethnic Identity of the East Slavs in the 12th Through 15th Centuries (On the Origin of the East Slavic Peoples)]. *Slavyanovedenie*, 1993, no. 2, pp. 42–66.
7. Nazarenko L.V. Drevnyaya Rus’ i slavyane (Istoriko-filologicheskie issledovaniya) [Early Russia and the Slavs (Historical-Philological Research)]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy* [Early States in Eastern Europe]. Moscow, 2009, pp. 103–113.
8. Solov’ev A.V. Velikaya, Malaya i Belaya Rus’ [Great, Little and White Rus’]. *Voprosy istorii*, 1947, no. 7, pp. 24–38.
9. Robinson A.N. *Literatura Drevney Rusi v literaturnom protsesse srednevekov’ya XI–XIII vv.* [Early Russian Literature in the Literary Process of the Middle Ages in the 11th Through 13th Centuries]. Moscow, 1980.
10. Rzhzhabek I. Yuriy II, posledniy knyaz’ vseya Malyya Rusi [Boleslaw-Jerzy II, the Last Prince of All Little Rus’]. *Boleslav-Yuriy II, knyaz’ vseya Maloy Rusi: sb.* [Boleslaw-Jerzy II, the Prince of All Little Rus’: Collected Works]. St. Petersburg, 1907, pp. 1–66.

11. Zhuravlev V.K. *Tserkovnoslavyanskiy yazyk v sovremennoy russkoy natsional'noy shkole* [The Church Slavonic Language in Modern Russian National School]. Vyatka, 2002. 29 p.
12. Vinogradov M.A. *Malaya Rus' kak territoriya rasseleniya i formirovaniya natsional'nogo samosoznaniya russkikh (XII–XIV veka)* [Little Rus' as an Area of Settlement and Formation of Russian National Consciousness (12th – 14th Centuries)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, no. 1, pp. 13–22.
13. Agoshton M. *Velikoknyazheskaya pechat' 1497 g.: K istorii formirovaniya russkoy gosudarstvennoy simboliki* [Grand Prince's Seal of 1497: On the History of Formation of Russian State Symbols]. Moscow, 2005. 462 p.
14. Nasonov A.N. *"Russkaya zemlya" i obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva* ["The Russian Land" and the Formation of the First Russian State]. Moscow, 1951. 282 p.
15. Uzhankov A.N. *Kontsepty "Rus'" i "Russkaya zemlya" v mirovozzrenii drevnerusskikh knizhnikov XI–XV vv.* [The Concepts of Rus' and Russian Land in the Worldview of Medieval Russian Scribes]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2003, no. 8, pp. 77–81.
16. Danilevskiy I.N. *Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.)* [Early Russia Through the Eyes of Contemporaries and Descendants (9th – 12th Centuries)]. Moscow, 1999.
17. Kolosov V., Pavlova T. *K etimologii terminov "pravoslavnyy" i "pravoslavie"* [On the Etymology of the Terms *Orthodox* and *Orthodoxy*]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/kolos_etim.php (accessed 18 September 2016).
18. Tolstoy N.I. *Etnicheskoe samopoznanie i samosoznanie Nestora Letopistsa, avtora "Povesti vremennykh let"* [Ethnic Self-Awareness and Self-Consciousness of Nestor the Chronicler, Author of *The Tale of Bygone Years*]. *Iz istorii russkoy kul'tury. T. 1. Drevnyaya Rus'* [From the History of Russian Culture. Vol. 1. Early Russia]. Moscow, 2000, pp. 441–447.
19. Rybakov B.A. *Strigol'niki – russkie gumanisty XIV stoletiya* [The Strigolniki: Russian Humanists of the 14th Century]. Moscow, 1993.
20. Klimov E.V. *K voprosu o prodolzhitel'nosti i periodizatsii khristianizatsii Drevney Rusi* [On Duration and Periodization of Christianization of Early Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya*, 2009, iss. 32, no. 16, pp. 117–122.
21. Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV vv.* [Tartars and Mongols Through the Eyes of Medieval Russian Scribes of the Mid-13th – 15th Centuries]. Moscow, 2009.
22. Froyanov I.Ya. *Nachalo khristianstva na Rusi* [The Beginning of Christianity in Russia]. Izhevsk, 2003.
23. Tolstoy N.I. *Tserkovnoslavyanskiy i russkiy: ikh sootnoshenie i simbioz* [Church Slavic and Russian: Their Relationship and Symbiosis]. *Lektsii laureatov Demidovskoy premii (1993–2004)* [Lectures of Demidov Prize Laureates (1993–2004)]. Yekaterinburg, 2006, pp. 72–87.
24. Vinogradov V.V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the History of Russian Literary Language of the 17th – 19th Centuries]. Moscow, 1938.
25. Putsko V.G. *Opustoshenie Rusi: kul'tura posle tragedii 1238–1241 gg.* [The Devastation of Rus': Culture After the Tragedy of 1238–1241]. *Problemy slavyanovedeniya* [Issues of Slavonic Studies]. Bryansk, 2012. Iss. 14, pp. 5–23.
26. Sobolevskiy A.I. *Yuzhnoslavyanskoe vliyanie na russkuyu pis'mennost' v XIV–XV vekakh* [South Slavic Influence on Russian Literature in the 14th and 15th Centuries]. St. Petersburg, 1894.
27. Medvedev I.P. *Pochemu Konstantinopol'skiy patriarkh Filofey Kokkin schital russkikh "svyatym narodom"?* [Why Did Patriarch of Constantinople Philotheos Kokkinos Believe Russians to Be a Holy Nation?]. *Slavyane i ikh sosedi: etnopsikhologicheskie stereotipy v srednie veka* [The Slavs and Their Neighbours: Ethno-Psychological Stereotypes in the Middle Ages]. Moscow, 1990, pp. 73–82.
28. Florya B.N. *Rus' i "russkie" v istoriko-politicheskoy kontseptsii Yana Dlugosha* [Rus' and Russians in the Historical and Political Conception of Jan Długosz]. *Slavyane i ikh sosedi: etnopsikhologicheskie stereotipy v srednie veka* [The Slavs and Their Neighbours: Ethno-Psychological Stereotypes in the Middle Ages]. Moscow, 1990, pp. 16–28.
29. Gorskiy A.A. *"Vsego esi ispolnena zemlya russkaya": Lichnosti i mental'nost' russkogo srednevekov'ya* ["All Hast the Russian Land": Personalities and Mentality of Medieval Russia]. Moscow, 2001.

Mikhail A. Vinogradov

Moscow University of Finance and Law;
ul. 3-ya Kabel'naya 1, Moscow, 111024, Russian Federation;
e-mail: mihail.vinogradov2010@yandex.ru

“RUSSIAN” TERMS AND TITLES OF NORTH-EASTERN RUS’ AS A REFLECTION OF INTEGRATION PROCESSES (13th and 14th Centuries)

This article investigates the practice of using “Russian” titles and “Russian” terms when a new political and spiritual centre was forming in North-Eastern Rus’ in the second half of the 13th and 14th centuries. Terminology itself is a reflection of an era and can help clarify many of the social and historical phenomena. Studying the dynamics of changes in “Russian” terms and titles during the establishment of new social relations allows us to see hidden trends and patterns of this process. Self-identification with the Russians and Rus’ became common among the population of the once united Russian State in the second half of the 13th and early 14th centuries. This conclusion is largely predetermined by the changes in the overall geopolitical situation caused by the Tartar and Mongol invasion and Rus’ acute confrontation with its western neighbours: Catholic orders, Hungary, Lithuania, and Poland. During those years, a narrow understanding of Rus’ as a territory with the Russian population in the Middle Dnieper area was gradually broadened and the word *Rus’* was increasingly associated with the Grand Duchy of Vladimir. The author analysed the following names: *Russian Land*, *Rus’*, *Little Rus’*, *Great Rus’*, *The Whole Russian Land*, *Metropolitan of All Rus’*, *Grand Prince of All Rus’*, and *Russian Princes*. Particular attention is paid to the relationship between the concepts of *Russian* and *Orthodox*. The work excludes colour-related terminology (White Rus’, Red Rus’, etc.) as, due to their specific character, they require a separate study.

Keywords: *North-Eastern Rus’*, *Grand Duchy of Vladimir*, “Russian” terms, “Russian” titles, formation of Russian statehood.

Поступила: 24.10.2016
Received: 24 October 2016

For citation: Vinogradov M.A. “Russian” Terms and Titles of North-Eastern Rus’ as a Reflection of Integration Processes (13th and 14th Centuries). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 1, pp. 25–34. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.1.25